

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖА В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

Н. П. Авдеева

Внутренняя речь персонажа в художественном произведении — литературная стилизация реально протекающей речемыслительной деятельности. Таким образом, в художественных текстах внутренняя речь определяется как «литературное воспроизведение внутренней речи вообще не может быть натуралистическим. В нем всегда — даже при соблюдении возможной психологической точности будет значительная примесь условности» [1, с. 181].

Мы считаем, что внутренней речи (ВР) персонажа в прозе Чехова соответствуют следующие приемы ее лингвостилистической реализации: внутренний монолог, внутренний диалог и несобственно-прямая речь. Несомненно, правдоподобное изображение ВР персонажа не является самоцелью Чехова, он использует данный прием стилизации как способ изображения психологии персонажа, движения его душевной жизни.

Функционирование ВР персонажей рассмотрим на примере раннего рассказа Чехова «С женой поссорился (случай)». Данный рассказ интересен для анализа тем, что размышления

персонажа занимают в нем центральное место и организованы с помощью прямого внутреннего монолога, который является одной из доминантных форм представления ВР персонажа в художественном тексте. Позднее в произведениях Чехова прямые формы внутреннего монолога уступают место несобственно-прямой речи, которая совмещает субъектно-оценочные планы, речевые манеры автора и персонажа.

На наш взгляд, «С женой поссорился (случай)» является показательным рассказом для раннего творчества писателя. Это короткий рассказ, который был опубликован в 1884 году в журнале «Осколки». Это комический рассказ-случай с неожиданным финалом. Кроме того, для анализа произведения важно, что в создании комического эффекта важную роль играет динамика речемыслительной деятельности персонажа.

Рассматриваемый рассказ является яркой иллюстрацией объективной повествовательной формы: «рассказчик изображает видимый мир, исходя не из своего восприятия, а только как бы приводя свидетельства героя» [2, с. 41]. Таким образом, изображаемый в произведении мир представлен через восприятие героя, функции автора-повествователя ограничены.

Объективное повествование получило свое развитие в творчестве Чехова во втором периоде, однако, его истоки мы находим в ранних рассказах. Следовательно, данный рассказ предвосхищает утвердившуюся позднее повествовательную тенденцию.

«С женой поссорился (случай)» построен на размышлениях героя, представленных прямым внутренним монологом. Размышления персонажа занимают основную часть текста,

диалоги, свойственные ранним комическим рассказам, отсутствуют. Минимальные авторские комментарии способствуют смещению акцента внимания читателя на речемышление персонажа. Внутренняя речь героя представлена в рассказе в пяти взаимосвязанных фрагментах и занимает большую часть текста.

Таким образом, все указанные факторы определяют интерес к рассмотрению функционирования ВР на примере данного рассказа.

Внешняя речь персонажа минимальна и является сигналом начала действия: *«Чёрт вас возьми! Придешь со службы домой голодный, как собака, а они чёрт знает чем кормят! Да и заметить еще нельзя! заметишь, так сейчас рев, слезы! Будь я трижды анафема за то, что женился!* (здесь и далее курсив мой. — Н. А.)» [3, т. 3, с. 14].

Фрагменты ВР, с одной стороны, являются компонентами рассказа, контекстами внутреннего монолога персонажа, вычленимыми, например, для анализа настроения героя. С другой стороны, все фрагменты ВР рассказа взаимосвязаны и взаимозависимы, определяют логику изменения настроения героя. ВР организует сюжетно-композиционный стержень произведения, целостное текстовое пространство рассказа, выполняет *текстообразующую функцию*.

ВР занимает достаточно большой объем рассказа, она содержит описание содержания произведения. Кроме того, размышления персонажа представлены в движении и развитии, следовательно, ВР выполняет *сюжетно-динамическую функцию* в рассказе.

Безусловно, важная функция ВР — *психологическая характеристика персонажа*, изображение внутреннего мира и динамики его эмоционально-мыслительной деятельности.

Рассмотрим изменение настроения персонажа на основании фрагментов внутренней речи. Первая реакция голодного мужа на «семейную» жизнь — гнев, злоба, вызывающие желание стреляться: *«Чёрт тебя дернул жениться! — подумал он. — Хороша „семейная“ жизнь, нечего сказать! Не успел жениться, как уж стреляться хочется!»* [3, т. 3, с. 14]. Эмоциональному содержанию соответствует интонация фрагмента, организованная с помощью восклицательных предложений, односоставных конструкций, обращением персонажа к себе во втором лице.

Далее гнев сменяется обидой и возмущением, категорическим отрицанием мысли о мире с женой, оценкой ситуации, как оскорбления и надругательства: *«Да, это в порядке вещей... Оскорбила, надругалась, а теперь около двери ходит, мириться хочет... Ну, чёрта с два! Скорей повешусь, чем помирюсь!»* [3, т. 3, с. 14]. Эмоциональность размышлений персонажа представлена экспрессивным синтаксисом, фразеологическими оборотами.

Следующий, отраженный во ВР, эмоционально-мыслительный этап персонажа — готовность к приему извинений, но не к прощению: *«Ладно! Проси прощения, умоляй, рыдай... Кукиш с маслом получишь! чёрта пухлого! Ни одного слова не добьешься, хоть умри... Сплю вот и говорить не желаю!»* [3, т. 3, с. 14]. Повелительное наклонение несовершенного вида выражает его волеизъявление в прямой и бесцеремонной

форме. Однако в данном фрагменте ВР персонаж уже начал внутренний диалог с женой.

Смягчение настроения способствует подготовке плана действий по прощению жены. Муж «раскислился и растеплился»: *«Да... Теперь вот мы лезем, прижимаемся, подлизываемся... Скоро начнем в плечико целовать, на колени становиться. Не выношу этих нежностей!.. Все-таки... нужно будет ее извинить. Ей в ее положении вредно тревожиться. Помучу часик, накажу и прощу...»* [3, т. 3, с. 14]. Персонаж использует во ВР форму 1-го лица множественного числа, тем самым, придает «своей речи экспрессию величия, торжественности и авторской важности» [4, с. 364]. План действий персонажа актуализируют глаголы совершенного вида в будущем времени.

Заключительный этап ВР — прощение. Муж сожалеет, что рассердился из-за пустяка, чувствует вину за несдержанность: *«Ну, бог с ней! Прощу в последний раз. Будет ее мучить, бедняжку! Тем более, что я сам виноват! Из-за ерунды бунт поднял...»* [3, т. 3, с. 15].

Одна из функций ВР в рассказе — *представление «эмоционально-мыслительной деятельности»* [5, с. 65] персонажа. Правдоподобное воссоздание естественной ВР в художественном произведении не является целью писателя, ВР «представляется лишь в виде демонстрации неких ее сигналов» [6, с. 5].

Рассмотрим способы стилизации ВР в рассказе. Маркерами ВР в произведении являются, во-первых, глаголы речемыслительной деятельности, вводящие размышления персонажа. В рассказе ВР персонажа вводится нераспространенным глаголом мышления — *подумать*. Во-вторых, впечатление ВР

в художественном произведении создается воспроизведением отдельных сигналов, свойственных разговорной речи.

Рассмотрим лексико-семантические особенности ВР в рассказе. Стилистические особенности лексем уточнялись по словарям [7, 8, 9]. На ряду с нейтральными лексемами выделяются разговорно маркированные: *скорей, ладно, бедняжка, хоть, пренебрежительная форма подлизываться, разговорно-фамильярное выражение ерунда*. Разговорные фразеологизмы активно используются во ВР: *чёрт дернул, нечего сказать, в порядке вещей, чёрта с два, хоть умри, кукиш с маслом получишь, бог с ней*.

Словообразовательные возможности аффиксов придают экспрессивно-эмоциональные оттенки лексемам *часик* и *плечико*.

ВР героя насыщена междометиями, выражающими побуждение: «Ну, чёрта с два!» [3, т. 3, с. 14]; «Ну, бог с ней!» [3, т. 3, с. 15]; частица *вот* наиболее употребительна в разговорной речи используется и в размышлениях героя: «Сплю *вот* и говорить не желаю!» [3, т. 3, с. 14]; «Теперь *вот* мы лезем, прижимаемся, подлизываемся...» [3, т. 3, с. 14].

Для ВР характерны глагольные формы. По мнению Л. С. Выготского, «предикативность» — один из признаков ВР, т. к. «самим себе мы никогда не должны сообщать, о чем идет речь. Это всегда подразумевается и образует фон сознания» [10, с. 223].

В рассказе глагольные формы разнообразны, частотны глаголы несовершенного вида: *стреляться, ходить, мириться, спать, говорить, желать, лезть, прижиматься, подлизываться,*

целовать, становится, выносить, тревожиться, мучить; совершенного вида: успеть, оскорбить, надругаться, повеситься, помириться, добиться, начать, извинить, помучить, наказать, простить, поднять; возвратные глаголы: стреляться, хочется, мириться, тревожиться, повеситься, прижиматься. Персонаж использует во ВР форму множественного числа в значении единственного числа: мы лезем, прижимаемся, подлизываемся, начнем целовать.

Активности глаголов во ВР соответствуют синтаксическая «предикативность» Человек мыслит «предикатами, ключевыми словами, несущими в себе сердцевину информации» [11, с. 60]. Во ВР частотны определенно-личные предложения: «Скорей повешусь, чем помирюсь!» [3, т. 3, с. 14]; «Ни одного слова не добьешься» [3, т. 3, с. 14]; «Сплю вот и говорить не желаю!» [3, т. 3, с. 14]; «Не выношу этих нежностей!..» [3, т. 3, с. 14]; «Помучу часик, накажу и прощу...» [3, т. 3, с. 14]; «Прощу в последний раз» [3, т. 3, с. 15]; безличные инфинитивные: «Ей в ее положении вредно тревожиться» [3, т. 3, с. 14]; «нужно будет ее извинить» [3, т. 3, с. 14]; «Будет ее мучить, бедняжку!» [3, т. 3, с. 14] Неполные предложения ВР соответствуют ее автокоммуникативности, придают ей эмоциональность и смысловую компрессию.

ВР в рассказе характеризуется и другими конструкциями экспрессивного синтаксиса: восклицательными предложениями, порядком слов в предложении, парцелированными конструкциями.

Парцелляция придает фрагментарность, ассоциативность, стихийность и эмоциональность речемышлению героя.

Парцелляция «значительно повышает уровень предикативности текста, предопределяя увеличение объема информации при лаконичности формы» [12, с. 33]: *«Теперь вот мы лезем, прижимаемся, подлизываемся... Скоро начнем в плечико целовать, на колени становиться. Не выношу этих нежностей!.. Все-таки... нужно будет ее извинить. Ей в ее положении вредно тревожиться»* [3, т. 3, с. 14]. *«Прошу в последний раз. Будет ее мучить, бедняжку! Тем более, что я сам виноват! Из-за ерунды бунт поднял...»* [3, т. 3, с. 14].

Важно отметить, что ВР диалогична, это один из способов ее актуализации. Диалогизированная ВР участвует в создании сложного психологического процесса. В рассказе ВР диалогизируется в двух направлениях: герой ведет диалог с собой (аутодиалог) и параллельно ведет мнимый диалог с женой. Диалогизация мышления персонажа в рассказе организуется с помощью диалогических структур, которые принято называть вторичными.

Так, в создании диалога персонажа с самим собой используется местоимение второго лица: *«Чёрт тебя дернул жениться!»* [3, т. 3, с. 14].

В создании диалога персонажа с женой участвует повелительное наклонение несовершенного вида: *проси, умоляй, рыдай, умри*; определенно-личные предложения: *«Кукиши с маслом получишь! чёрта пухлого! Ни одного слова не добьешься»* [3, т. 3, с. 14]. Релятивы, т. е. слова, «употребляемые в речи с общим значением реакции на слова собеседника или ситуацию» [13, с. 78]: *«Да, это в порядке вещей...»* [3, т. 3, с. 14];

«Ну, чёрта с два!» [3, т. 3, с. 14]; «Ладно!» [3, т. 3, с. 14]; «Да...» [3, т. 3, с. 14]; «Ну, бог с ней!» [3, т. 3, с. 15].

Таким образом, Чехов уже в ранних рассказах представляет диалогизированное мышление персонажей с помощью вторичных диалогических признаков: повелительного наклонения, конструкций со вторым лицом, определенно-личных предложений и релятивов.

ВР выполняет эстетическую функцию в рассказе: реализует контекстуальную и текстообразующую иронию [14]. Выделим способы актуализации контекстуальной иронии в рассказе

1) Графический способ: кавычки выделяют слово, тем самым слово включается в текст в противоположном значении, создавая иронический смысл: «Хороша „*семейная*“ жизнь, нечего сказать!» [3, т. 3, с. 14].

2) Семантическим противоречием в определении сложившейся ситуации: невкусный ужин муж воспринимает, как желание жены *оскорбить* («крайне унижить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль» [9] и *надругаться* «подвергнуть оскорбительному издевательству» [9] над ним.

3) Семантико-стилистическое противоречие, объединение в одном контексте нейтрального императива и экспрессивно-просторечного отказа: «*Проси прощения, умоляй, рыдай*» [3, т. 3, с. 14] и «*Кукиш с маслом получишь! чёрта пухлого!*» [3, т. 3, с. 14].

Кроме контекстуальной иронии ВР участвует в реализации текстообразующей иронии, эффекта обманутого ожидания читателя. Во ВР отражается субъективно-эмоциональное представление персонажа о положении дел: он думает, что его

жена страдает и тихо вымаливает прощение за невкусный ужин. Однако объективное положение дел заключается в том, что теплое тело, глубокие вздохи и легкие прикосновения, которые герой воспринял, как раскаяние и желание жены помириться, принадлежали не жене, а его собаке Динке. Textoобразующая ирония в рассказе представляет собой «несоответствие субъективного представления и объективного положения вещей» [14, с. 14].

В раннем рассказе «С женой поссорился (случай)» ВР выполняет следующие функции: сюжетно-динамическая функция, текстообразующая функция, психологическая характеристика персонажа, эмоционально-мыслительная стилизация ВР средствами экспрессивного синтаксиса и лексико-грамматическими особенностями разговорной речи. ВР в рассказе участвует в реализации эстетической функции: актуализации иронии и комического эффекта. Детальный анализ контекстов ВР изолированно и в системе помогает проникнуть в творческую лабораторию Чехова и выявить особенности его идиостиля.

Литература

1. Виноградов В. В. О языке Толстого (50–60-е годы) / Виктор Владимирович Виноградов // Литературное наследство. — М.: Изд-во АН СССР, 1939. — Кн. I. — Т. 35/36. — с. 117–220.
2. Чудаков А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. — М.: Наука, 1971. — 292 с.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. — М.: Наука, 1974–1983.

4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1972. — 614 с.

5. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с.

6. Логинов А. В. Вопросительное предложение и вопросоответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. — СПб., 1992. — 18 с.

7. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. Режим доступа: gramota.ru/slovari/info/bts/. — Название с экрана.

8. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под. ред. Т. Ф. Ефремовой. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>. — Название с экрана.

9. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>. — Название с экрана.

10. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.

11. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: Учебн. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов — М.: Лабиринт, 2001. — 304 с.

12. Кузнецова Н. Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века. Автореф. ... дис. док-ра филол. наук. — М., 2011. — 42 с.

13. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речи и ее особенности / Учебн. пособие для студентов / О.Б. Сиротинина. — М.: Просвещение, 1974. — 144 с.

14. Каменская Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова. Дис. ...канд. филол. наук. — Саратов, 2001. — 173 с.

Аннотация. В статье выявляются функции внутренней речи персонажа на примере раннего рассказа Чехова «С женой поссорился (случай)»: сюжетно-динамическая, текстообразующая, психологическая характеристика персонажа, эмоционально-мыслительная стилизация внутренней речи, эстетическая функция актуализации иронии и комического эффекта.

Ключевые слова: Чехов, рассказ, «С женой поссорился (случай)», внутренняя речь, функции внутренней речи.